

ЩЕГОЛ И ТАЛИЯ
(*Calp. Ecl. 6, 75–77*)

Шестая эклога Кальпурния Сикула, буколического поэта I в. н. э., представляет собой эксцентричную вариацию на стандартный в пасторальной поэзии сюжет «амебейного состязания». Разворачивающаяся на наших глазах ссора двух пастухов, Ликида и Астила, приводит к вызову на песенную дуэль. В полном соответствии с правилами буколических агонов, как они представлены у двух главных предшественников Кальпурния — Феокрита и Вергилия, певцы призывают судьбу (почтенного Мнасилла, случайно оказавшегося рядом), предлагают и расхваливают заклады, выбирают место для пения, определяют очередность и т. п. Однако в тот момент, когда все формальности уже соблюдены и самое время начать обмениваться куплетами, следует новый виток перебранки, после чего Мнасилл с досадой прерывает так и не начавшееся состязание.

Нас будет интересовать одно из оскорблений, брошенное Ликидом Астилу. Оскорбление это завуалировано — Ликид как будто бы обращается к Мнасиллу с невинной просьбой судить справедливо (ст. 75–77)¹:

Tu modo nos illis (iam nunc, Mnasyllē, precamur)
auribus accipias, quibus hunc et Acanthida nuper
diceris in silva iudex audisse Thalea (*v.l.* Thalia).

Эти слова вызывают резкую реакцию Астила (*Non equidem possum, cum provocet iste, tacere, / rumpor enim, Mnasyllē: nihil nisi iurgia quaerit!*), за которой следуют ответные поношения, а там и срыв агона.

Итак, Ликид намекает на какое-то предыдущее песенное состязание с участием Астила, где судьей также выступал Мнасилл: очевидно, что в этом агоне Астил проиграл, а победа была отдана Мна-

---

¹Как отмечает В. Фридрих, эта просьба представляет собой сплав двух феокрытовских реминисценций: 5, 68 sqq. и 1, 23 sqq. (*Friedrich W. Nachahmung und eigene Gestaltung in der bukolischen Dichtung des Titus Calpurnius Siculus. Frankfurt am Main, 1976. S. 119*).

©В. В. Зельченко, 2007

силлом его сопернику по имени *Acanthis*. Вопрос о том, кто это такой, может на первый взгляд показаться праздным: так, Ж. Ама отвечает на него словами «простой пастушок».² Буколики Феокрита, Вергилия и самого Кальпурния пестрят такими случайными персонажами, возникающими на мгновение в силу сиюминутных требований сюжета. Тщету спекуляций по поводу этих «пасторальных теней» удачно демонстрирует статья бельгийского латиниста Л. Эрманна, который стремится найти для всех пастухов Кальпурния прототипы среди римских поэтов эпохи Нерона; в частности, *Acanthis* безо всяких аргументов оказывается у него «не кем иным, как Авлом Фурием Руфом, литературным противником баснописца Федра и другом Цезия Басса».³

Проблема, однако, заключена в том, что *Acanthis* — дама. В самом деле, это имя зафиксировано в нескольких латинских надгробных надписях, где речь вне всякого сомнения идет о женщинах,⁴ а также в элегии Проперция IV, 5 (имя сводни-колдуньи), откуда Кальпурний, у которого исследователи отмечают ряд проперцианских реминисценций, его, скорее всего, и позаимствовал.⁵ К аналогичному выводу подталкивают и законы словообразования греческих личных имен.

Этнографы, изучавшие песенные агоны европейских крестьян XIX–XX вв., отмечают возможность обмена куплетами между мужчиной и женщиной (или между группами мужчин и женщин).⁶ Однако одно дело — реальная фольклорная практика и совсем другое — жесткие законы буколического жанра, который уже у ближайших эпигонов Феокрита, не говоря о Вергилии и других латинских буколических поэтах, теряет всякую связь с устным творчеством. Условия и порядок амебейных агонов предстают в античной

---

² *Calpurnius Siculus. Bucoliques. Pseudo-Calpurnius. Éloge de Pison / Texte ét. et trad. par J. Amat. Paris, 1991. P. 118.*

³ *Hermann L. Les pseudonymes dans les Bucoliques de Calpurnius Siculus // Latomus. 1952. Vol. 11. P. 41.*

⁴ См.: ThLL (1900). Vol. I, 1. Col. 248, s. v. *Acanthus*.

⁵ Указания на заимствования Кальпурния у Проперция: *Calpurnii et Nemesiani Bucolica / Rec. H. Schenkl. Lipsiae; Praegae, 1885. P. XXVII; Sexti Propertii Elegiarum liber I (Monobiblos) / Ed. P. J. Enk. Pars 1. Lugduni Batavorum, 1946. P. 58–59; Shackleton Bailey D. R. Echoes of Propertius // Mnemosyne. 4 ser. 1952. Vol. 5. P. 309.*

⁶ См.: *Merkelbach R. Boukoliastai (1956) // Merkelbach R. Hestia und Erigone. Leipzig, 1996. S. 129–161.*

пасторальной поэзии в виде жесткого канона, своего рода уложения о поединках, в котором регламентировано все — от выбора судьи до выставления равноценных закладов. Важнейшим условием такого состязания является полное равенство певцов — по статусу, по мастерству и пр. (*ισοφαρίζειν* — Theoc. 7, 30). В этой связи буколическое состязание с участием женщины выглядит столь же невероятным, как и дуэль с участием женщины; абсолютная уникальность такого состязания требует обоснования и интерпретации.

Исследователи, осознавшие эту проблему, в разное время предлагали набор различных решений. Так, Хр. Вернсдорф, опираясь на уже упоминавшееся место Проперция, предположил, что Акантида — не пастушка, а колдунья; неясно, однако, что это дает для понимания пассажа Кальпурния.⁷ Р. Вердьер, ученик названного выше Л. Эрманна, видит в этих стихах иносказательный намек на литературную борьбу в Риме I в. н. э.: за Акантидой скрывается некая поэтесса времен Нерона.⁸ Он же обнародовал устную догадку своего коллеги Ф. Пэтерса: *Acanthis* — это не имя, а название произведения; Мнасиллу довелось судить состязание, на котором (неназванный) соперник Астила представил поэму «Щегол». В развитие этой идеи Вердьер добавляет, что Кальпурний мог иметь в виду поэта Аррунция Стеллу, чье стихотворение о голубке расхваливает Марциал (I, 7). Не имея возможности останавливаться на этой проблеме подробно, скажем, что теория Эрманна о «шифрованном» характере «Буколик» Кальпурния, связанная с подыскиванием для каждого из их персонажей реального прототипа, представляется нам неправдоподобной а priori и не подкрепленной ничем, кроме псевдобиографических реконструкций Сервия в комментарии к эклогам Вергилия; большинством исследователей, писавших о Кальпурнии, она была справедливо отвергнута.

В недавней заметке, в которой специально рассматривался обсуждаемый нами пассаж, Хитер Уайт истолковала его так: слова о состязании — не более чем ехидная уловка, и на деле Ликид намекает на *любственное свидание* Астила и Акантиды в Талейском лесу, непрошеным свидетелем которого случайно оказался Мна-

---

⁷Poetae Latini minores / Cur. Io. Chr. Wernsdorf. Vol. II. Altenburgi, 1780, ad loc.; ср. также: Minor Latin Poets / With an English transl. by J. Wight Duff, A. M. Duff. 2 ed. Cambridge (Mass.); London, 1935. Vol. I. P. 275.

⁸*Calpurnii Siculi T. De laude Pisonis et Bucolica* / Éd., trad. et comm. par R. Verdère. Bruxelles, 1954. P. 58–59.

сил; именно напоминание об этом скандальном эпизоде и приводит Астила в ярость.⁹ В пасторальной традиции намеки подобного рода действительно встречаются: есть они и у Феокрита (4, 58–63), на которого ссылается Уайт, и — в контексте поношений, которыми обмениваются участники буколического агона, — у Вергилия (Ecl. 3, 7–9). Однако в шестой эклоге Кальпурния этот мотив уже задействован в ст. 83–85, где тот же Ликид злорадно рассказывает о том, как соседи застали Астила с неким Мопсом. Думается, и сам Кальпурний, и его персонаж заслуживают, чтобы мы ожидали от них большего разнообразия.

Возвращаясь к вопросу о загадочном состязании Астила и Акантиды, отметим еще одну смущающую деталь: выше, когда Ликид предлагает призвать Мнасилла в качестве судьи, Астил не только не высказывает никаких возражений против его кандидатуры, но и в дальнейшем говорит с ним в подчеркнуто почтительном тоне; если бы тот же Мнасилл недавно разрешил какое-то состязание не в пользу Астила, такое поведение было бы психологически неоправданным.

В разбираемых стихах есть еще одна трудность, связанная с топонимом *silva Thalea* (или *Thalia*), который нигде более не засвидетельствован. Конечно, топография буколического мира вполне условна (так, в Аркадии Вергилия протекает североиталийская река Минций и кружат пчелы с сицилийской Гиблы, а фоном для различных идиллий Феокрита служит то Сицилия, то Кос, то окрестности Сибариса), однако именно у Кальпурния эта условность доведена до последнего предела — в восьми его эклогах нет ни единого указания на то, где именно происходит их действие. Это побуждает отвергнуть сложную конструкцию Ч. Кина, привлекающего редкий миф о сицилийской нимфе Талии, возлюбленной Юпитера, который скрыл ее под землей.¹⁰ Вновь кратко перечислим другие толкования: по мнению Вернсдорфа, развитому в 1971 г. Д. Корженевским, топоним образован Кальпурнием *ad hoc* от греческого *θάλλω* и озна-

---

⁹ *White H.* A Singing Contest in Calpurnius Siculus // QUCC. 1991. N. s. Vol. 62. P. 149–151.

¹⁰ *The Eclogues of Calpurnius Siculus and M. Aurelius Olympius Nemesianus / With introd., comm. and app. by Ch. H. Keene.* London, 1887. P. 141–142. То, что на этом месте вырос лес, Кину приходится выводить путем конъектур из темного пассажа Verg. Aen. IX, 583–585.

чает просто «*silva viridans*», ὄλη θάλεια.¹¹ Популярная идея того же Кина связывает *silva Thalea* с именем музы Талии (которая по-латыни часто пишется *Thalea*; современные издатели античных латинских текстов предпочитают сохранять эту орфографию, корректность которой специально защищает Сервий в комментарии к Verg. Ecl. 6, 2). Представление о Талии как о специфически «буколической музы» Кальпурний естественным образом мог почерпнуть из только что упомянутых строк Вергилия: *Prima Syracosio dignata est ludere versu / nostra nec erubuit silvas habitare Thalea*; так, по Кину, «лес Талии» — это «лес, в котором обычно проходят буколические состязания», а по формулировке Жана Юбо — «тот самый лес, в котором эта муза не постыдилась поселиться».¹² Это толкование, а особенно параллель из Вергилия будут важны для нас в дальнейшем; отметим, однако, вслед за Корженевским, что прилагательное от имени «Талия» ни по-латыни, ни по-гречески не засвидетельствовано, и если бы Кальпурний имел в виду «лес музы», то естественно было бы ожидать генетива.

Именно конъектуру *Thaleae* предложил к 77-му стиху Д. Р. Шеклтон Бейли, руководствуясь, однако, совершенно иной интерпретацией: по его мнению, это — метронимикон, имя матери Акантиса.¹³ Наконец, уже упоминавшийся Кин сообщает изощренную догадку кембриджского латиниста Л. Парсера, который читал гранки его издания и сделал ряд замечаний: *Thalia* — это номинатив; Астил уважительно (или льстиво) именует Мнасилла «*iudex Thalia*», т. е. «*a very Thalia (i. e. Muse of bucolic poetry) in your skill of judge*».¹⁴

Решение, которое мы хотим предложить, помогает устранить обе эти трудности. На наш взгляд, следует, во-первых, считать *Thalea* не аблативом и не номинативом, а звательным падежом от имени музы; во-вторых, писать *acanthida* в ст. 76 со строчной буквы. В самом деле, от внимания комментаторов ускользнуло то обстоятельство, что нарицательное существительное *acanthis* («ще-

---

¹¹Hirtengedichte aus neronischer Zeit / Hrsg. und übers. von D. Korzeniewski. Darmstadt, 1971. S. 108.

¹²Hubaux J. Les thèmes bucoliques dans la poésie latine. Paris, 1930. P. 230.

¹³Shackleton Bailey D. R. Notes on Minor Latin Poetry // Phoenix. 1978. Vol. 32. P. 320. Шеклтон Бейли не принимает во внимание того, что *Acanthis* — женское имя.

¹⁴The Eclogues of Calpurnius Siculus... P. 142.

гол») уже встречалось в этой же эклоге и тоже в реплике Ликида. Стихотворение Кальпурния начинается с того, что Астил рассказывает о состязании между юношами Никтилом и Алконом, в котором сам он, Астил, выступал судьей и присудил победу Алкону. Ликид, знакомый с творчеством обоих, изумлен таким решением (это и послужит началом ссоры); ст. 7–9:

Nyctilon ut cantu rudis exsuperaverit Alcon?
Astyle, credibile est, si vincat acanthida cornix,
vocalem superet si dirus aedona bubo.

Перед нами, опять-таки, стандартный мотив, разновидность τόπος ἀδουράτου: в буколическую традицию сравнение поэтических агонев с состязанием певчих и безголосых птиц было введено Феокритом в 7 идиллии (ст. 47–48).¹⁵ По нашему предположению, в разбираемом пассаже Ликид намекает на свою предшествующую реплику — вспоминая о том, что муза Талия, как рассказывают (diceris), недавно судила в лесу песенное состязание щегла и... «вот этого человека (hunc et acanthida)»; таким образом, Астил язвительно сравнивается с вороной. Близкая параллель отыскивается у Феокрита (5, 23), когда один из пастухов, услышав о желании другого состязаться, говорит: «Ага, знаем, тягалась как-то свинья с Афиной...» (ст. 23). Что до образа буколической Талии, живущей в лесах, то он, как справедливо заметил уже Кин, позаимствован Кальпурнием из Verg. Ecl. 6, 2.

Против этой интерпретации как будто говорит то, что в одной фразе приходится предполагать два обращения, относя assirias и diceris к разным лицам: «Ты, Мнасилл, суди нас справедливо — подобно тому, как ты, Талия, рассудила в лесу щегла и ворону». Однако без конъектуры dicitur, как кажется, можно обойтись, поскольку подобный случай двойного обращения с резкой сменой адресата, создающей опасность амфиболии, для латинской поэзии не уникален. Рассмотрим два хрестоматийных примера:

Catull. 1, 8–10: Quare habe tibi quidquid hoc libelli,
qualecumque, quod, <o> patrona virgo,
plus uno maneat perenne saeclo.

---

¹⁵Подробнее об этом мотиве см.: *Neri C. Le taccole primaverili (Antip. Sid. AP VII 713 = LVIII G.-P.) // Eikasmos. 1995. Vol. 6. P. 155–159.*

Императив *habe* и местоимение *tibi* подразумевают Корнелия Непота, которому Катулл посвящает свой сборник; напротив, «*o patrona virgo*», стоящее в том же предложении, имеет в виду музу, к которой Катулл обращается с мольбой сохранить его стихи в памяти читателей на века. (Эта трудность давно была осознана старыми издателями Катулла, которые пытались устранять ее ценой конъектур.)

Hor. Carm. IV, 2, 49–54: *Teque, dum procedis, «io Triumphe»,
non semel dicemus, «io Triumphe»,
civitas omnis, dabimusque divis
tura benignis.
Te decem tauri totidemque vaccae,
me tener solvet vitulus...*

Речь идет о грядущем триумфальном возвращении Августа, который не может не победить сигамбров. Здесь тоже предлагались конъектуры (вроде *teque, dum procedit*); однако, как резонно замечает Порфирион, слова *teque, dum procedis* обращены к персонифицированному Триумфу, божеству, призываемому возгласом «*io, Triumphe*» (ср. *Erod.* 9, 21–22). Напротив, обманчиво-анафорическое *te* в начале следующей строфы имеет в виду Юлия Антония, адресата оды (вокатив *Antoni* стоит в ст. 26): когда Август вернется, Антоний принесет богатую благодарственную жертву, а сам Гораций — жертву поскромнее. Таким образом, второе лицо в этой оде подразумевает сначала Антония, потом Триумфа, а потом опять Антония.

На наш взгляд, в обоих этих пассажах, как и у Кальпурния, трудность двойного адресата несколько нивелируется тем, что один из этих адресатов — божество. В самом деле, обращение к богу, даже если оно носит (как в наших случаях) полноценный характер, всегда сохраняет оттенок междоветного восклицания: и Катулл, и Гораций, и герой Кальпурния не разговаривают с двумя собеседниками одновременно, но по ходу обращения приывают в свидетели незримый высший авторитет.

Summary

Calp. 6, 75–77 *viri docti ita interpretari solent, ut Lycidas certaminis bucolici, quod Astylus cum Acanthide in silva Thalea olim egerit, mentionem*

faciat. At Acanthis nomen femininum est, certamen autem amoebaeum cum femina initum in carminibus bucolicis nusquam memoratur, quippe quod a pastorum consuetudine plane abhorreat; etiam silva illa Thalea quae esset, nemo adhuc explanavit. Itaque Thaleam casum vocativum nominis Musae aestimandam, totum autem locum sic scribendum censemus: «...Quibus hunc et acanthida (cf. vv. 7–8: Astylus igitur cum cornice canendi imperita contumeliose comparatur) nuper / diceris in silva iudex audisse, Thalea».